

Энн Эпплбаум ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

Corpus

Подавление Восточной Европы
(1944–1956)

Эпплбаум проливает свет на забытые миры, полные надежды, страдания и достоинства... На сегодняшний день это одна из самых обаятельных и вместе с тем глубоких работ о прошлом Европы.

THE WASHINGTON POST

Энн Эпплбаум

Железный занавес. Подавление Восточной Европы (1944–1956)

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/71257366>

*Эпплбаум, Энн. Железный занавес. Подавление Восточной Европы
(1944–1956): Аст, CORPUS; Москва; 2024*

ISBN 978-5-17-168240-8

Аннотация

<rp>Известная американская журналистка и политический аналитик Энн Эпплбаум исследует образование и начало эволюции коммунистических режимов в странах Восточной Европы после Второй мировой войны. Анализ событий – главным образом в освобожденных Красной армией Венгрии, Восточной Германии и Польше – сопровождается материалами многочисленных архивов и свидетельствами очевидцев. Эпплбаум тщательно реконструирует различные аспекты социально-политических и экономических процессов в странах соцлагеря, показывает, как функционировали механизмы пропаганды и политического контроля, раскрывает роль спецслужб в подавлении оппозиции и общественных движений. И наглядно демонстрирует, как и почему распад “восточного блока” стал неизбежным, когда возник разлом в ключевой его опоре

– Советском Союзе – и пал железный занавес.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Введение	10
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Энн Эпплбаум

Железный занавес

Подавление Восточной Европы (1944–1956)

Anne Applebaum

Iron Curtain. The Crushing of Eastern Europe (1944–1956)

© Anne Applebaum, 2013 All rights reserved

© А. Захаров, перевод на русский язык, 2024

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2024

© ООО «Издательство Аст», 2024, Издательство CORPUS

Эта книга посвящена тем гражданам Восточной Европы, которые отказались жить по лжи.

Утрату свободы, тиранию, унижения, голод – все это проще было бы переносить, если бы их не принуждали называть «свободой», «справедливостью», «народным благом»... Ложь, которая по самой своей природе предвзята и преходяща, изобличает себя всякий раз, когда сталкивается с фактами, отстаивающими истину. Но в нашей ситуации все средства

выявления истины были надолго конфискованы полицией.

Александр Ват

Мой век, 1977 г.

Человек не обязан всем этим мистификациям верить. Однако он должен вести себя так, словно верит им; по крайней мере, молча сохранять толерантность... Уже хотя бы поэтому человек вынужден жить во лжи.

Вацлав Гавел

Сила бессильных, 1978 г.

Польша (1945 г.)

Введение

От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города с населением в этих регионах оказались в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному, а во многих случаях возрастающему контролю Москвы.
Уинстон Черчилль,
речь в Фултоне, штат Миссури, 5 марта 1946

Среди многих других признаков 1945 год был отмечен невиданной за всю европейскую историю миграцией населения. По всему континенту сотни тысяч людей возвращались из заточения в Советском Союзе, с принудительных работ в Германии, из концентрационных лагерей и лагерей для военнопленных, всевозможных убежищ и потайных мест. Автодороги, пешеходные тропы, грузовики и поезда были переполнены потрепанными, голодными, немывыми людьми.

Особенно ужасающе выглядели железнодорожные станции. Истощенные матери, больные дети, а иногда и целые семейства на многие дни устраивались на грязном цемент-

ном полу, дожидаясь следующего поезда. Им грозили неминуемые голод и болезни. Но в Лодзи, в центральной Польше, группа женщин решила не допустить расширения трагедии. Сплотившись вокруг бывших членов Польской лиги женщин, благотворительной и патриотической организации, основанной в 1913 году, они взялись за работу. На железнодорожном вокзале Лодзи активистки открыли приют для матерей с детьми, обеспечивая их горячей пищей, лекарствами и одеялами, а также помощью волонтеров и медсестер.

Весной 1945 года побудительные мотивы этих женщин-активисток оставались такими же, какими они могли бы быть в 1925-м или 1935-м. Им пришлось стать очевидцами социального бедствия. Они решили объединить усилия, чтобы помочь страждущим. Никто не просил их об этом, им не приказывали и не предлагали деньги. Янина Суска, которой в момент нашей встречи было почти девяносто лет, рассказывала, что, по ее воспоминаниям, происходившее тогда в Лодзи абсолютно не касалось политики: «За эту благотворительную работу ничего не платили... Просто те, кто находил свободную минуту, сами шли к нам на помощь»¹. Лига женщин в Лодзи, поддерживая попавших в беду странников войны, не ставила перед собой политических задач.

Прошло пять лет. К 1950 году Польская лига женщин превратилась в совершенно другую организацию. У нее появилась штаб-квартира в Варшаве. Ею управлял централизо-

¹ Янина Суска-Янаковска, личное интервью, Лодзь, 16 октября 2007.

ванный общенациональный орган, который имел (и применял) право распускать местные отделения, не подчиняющиеся указаниям сверху. Изольда Ковальска-Кирилюк, генеральный секретарь Лиги, видела первейшие задачи своей организации отнюдь не в благотворительности или воспитании патриотизма. Она трактовала их политически и идеологически: «Нам необходимо углублять организационную работу и мобилизовать широкие массы активных женщин, обучая и воспитывая их как сознательных активисток-общественниц. Ежедневно мы должны повышать уровень сознательности женщин, внося вклад в великое дело социального преобразования народной Польши в социалистическую Польшу».

Лига также проводила общенациональные съезды; на одном из них, состоявшемся в 1951 году, ее вице-президент София Васильковска прямолинейно изложила политическую программу организации: «Основной уставной формой деятельности Лиги выступает образовательная и просветительская работа... направленная на повышение сознательности женщин и мобилизацию их усилий ради всестороннего выполнения Шестилетнего плана»².

Иначе говоря, к 1950 году Польская лига женщин превратилась в женскую секцию коммунистической партии. В своем новом качестве она вдохновляла женщин следовать пар-

² Обе цитаты заимствованы из диссертации Барбары Новак. См.: Barbara Nowak. *Serving Women and the State: The League of Women in Communist Poland*, dissertation. Ohio State University, 2004.

тийной линии во внутривластных и международных вопросах. Она призывала своих сторонниц выходить на перфомансные парады и обличать западный империализм. Она формировала команды агитаторов, которых на специальных курсах обучали тому, как нести послание партии в массы. Женщины, которым все это не нравилось, например те, кто отказывался выходить на демонстрации или отмечать день рождения Сталина, исключались из рядов Лиги или покидали ее сами. Среди оставшихся больше не было волонтеров; это были бюрократки, обслуживающие интересы государства и коммунистической партии.

Прошло всего пять лет, но за эти годы Польская лига женщин и множество других общественных организаций пережили полнейшее перерождение. Что же случилось? Чем были обусловлены эти изменения? И почему народ согласился с ними? Идея этой книги в том, чтобы ответить на эти вопросы.

Хотя термин «тоталитарный» чаще всего использовали для описания нацистской Германии или сталинского Советского Союза, впервые понятие *totalitarismo* вошло в интеллектуальный оборот в контексте итальянского фашизма. Бенито Муссолини с энтузиазмом воспринял слово, придуманное одним из критиков его режима, и в одной из своих речей предложил формулировку, до сих пор остающуюся наилучшим его определением: «Все внутри государства, ничего вне

государства и ничего против государства»³.

Строго говоря, тоталитарным называют режим, который упраздняет все институты за исключением тех, которые санкционированы официально. При тоталитарном режиме, таким образом, есть одна политическая партия, одна образовательная система, одно кредо в искусстве, одна централизованная плановая экономика, одно направление СМИ и один моральный кодекс. В тоталитарном государстве отсутствуют независимые школы, нет гражданского общества и критической мысли. Муссолини и его любимый философ Джованни Джентиле в свое время писали о государстве как о сущности, которая «объемлет собою все» и за пределами которой «ни человеческие, ни духовные ценности не могут существовать»⁴.

Из итальянского слово «тоталитаризм» перекочевало в другие европейские и мировые языки. После смерти Муссолини у концепта, однако, не осталось открытых защитников, и уточнять его значение принялись критики, среди которых были величайшие мыслители XX столетия⁵. Философский

³ Впервые термин прозвучал в 1923 году из уст Джованни Амендола, одного из оппонентов Муссолини. Но уже в 1925-м дуче с энтузиазмом подхватил его, а затем новое понятие широко использовалось главным теоретиком итальянского фашизма Джованни Джентиле. Подробнее см.: Abbott Gleason. *Totalitarianism: The Inner History of the Cold War*. Oxford, 1995. P. 13–18.

⁴ Benito Mussolini, Giovanni Gentile. *Fascism: Doctrine and Institutions*. Rome, 1935.

⁵ Обзор дискуссии по этому вопросу см. в упомянутой работе Эббота Глисо-

отклик проблематика тоталитаризма нашла в работах «Дорога к рабству» Фридриха фон Хайека и «Открытое общество и его враги» Карла Поппера. А роман «1984» Джорджа Оруэлла рисует антиутопическую картину мира, в котором безраздельно властвуют тоталитарные режимы.

Пожалуй, наиболее выдающимся исследователем тоталитарной политики стала Ханна Арендт, которая в написанной в 1949 году книге «Истоки тоталитаризма» определила это явление как «новую форму правления», появившуюся благодаря пришествию modernity. Разрушение традиционных обществ и способов жизни, заявляла она, создает условия для возникновения «тоталитарной личности», мужчин и женщин, чья идентичность полностью зависит от государства. По ее словам, тоталитарными режимами являлись как нацистская Германия, так и Советский Союз; в этом смысле между ними больше сходств, нежели различий⁶. Карл Фридрих и Збигнев Бжезинский продолжили эту линию аргументации в 1956 году, опубликовав работу «Тоталитарная диктатура и автократия». Эти авторы также пытались выработать наиболее емкое определение понятия. По их мнению, все тоталитарные режимы имеют по меньшей мере пять об-

на, а также во введении Майкла Гейера и Шейлы Фицпатрик к книге: Michael Geyer, Sheila Fitzpatrick. Introduction. Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared. Cambridge, 2009. [Русский перевод: Майкл Гейер и Шейла Фицпатрик, ред. За рамками тоталитаризма. Сравнительные исследования сталинизма и нацизма. Москва, 2011. – Прим. перев.]

⁶ См.: Ханна Арендт. Истоки тоталитаризма. Пер. с англ. М.: ЦентрКом, 1996.

щих признаков: доминирующую идеологию; единственную правящую партию; готовую к использованию террора тайную полицию; монополию на информацию и плановую экономику. Исходя из этих критериев, советский и нацистский режимы не были единственными тоталитарными государствами; в их число попадали и другие страны, в частности маоистский Китай⁷.

Но к концу 1940-х – началу 1950-х годов тоталитаризм превратился в нечто большее, нежели просто теоретический концепт. На заре холодной войны термин обрел вполне конкретное политическое звучание. В знаменитой речи, произнесенной в Конгрессе в марте 1947 года, президент США Гарри Трумэн заявил, что американцы «должны поддерживать свободные нации, их демократические учреждения и их национальную целостность против агрессивных устремлений со стороны тоталитарных режимов»⁸. Эта идея получила известность как «доктрина Трумэна». Дуайт Эйзенхауэр также упоминал лексику, связанную с тоталитаризмом, в ходе президентской кампании 1952 года, когда объявлял о своем желании отправиться в Корею и положить конец идущей там войне: «Я хорошо знаю, как устроено тоталитарное сознание. На протяжении Второй мировой войны мне при-

⁷ Carl Friedrich, Zbigniew Brzezinski. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, 1956.

⁸ См.: http://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/doctrine/large/index.php

ходилось нести тяжелое бремя решений, участвуя в крестовом походе свободного мира против угрожавшей нам всем тирании»⁹.

Поскольку американские ратники холодной войны открыто провозглашали себя врагами тоталитаризма, скептические умы, естественно, стали задумываться над тем, что стоит за этим термином. Представлял ли «тоталитаризм» реальную угрозу или это было просто преувеличение, «страшилка», придуманная сенатором Джозефом Маккарти? В 1970–1980-е годы историки-ревизионисты, занимавшиеся историей СССР, заговорили о том, что даже сталинский Советский Союз в действительности никогда не был тоталитарным государством. Они подчеркивали, что далеко не все решения в СССР принимались в Москве; что карательные органы на местах могли инициировать террор не менее рьяно, нежели их вышестоящее начальство; что архитекторам централизованного планирования отнюдь не во всем удавалось контролировать экономику; что массовый террор для многих создавал новые «карьерные возможности»¹⁰. Некоторые из этих историков стали рассматривать термин «тоталитаризм» как грубый, неточный и сугубо идеологический.

В действительности на перечисленные обстоятельства об-

⁹ Цит. по: Gregory Bush. Campaign Speeches of American Presidential Candidates, 1948–1984. New York, 1985. P. 42.

¹⁰ См.: Michael Geyer, Sheila Fitzpatrick. Op. cit.

ращали внимание и «ортодоксальные» теоретики тоталитаризма. Лишь немногие сходились в том, что тоталитарные режимы способны полноценно функционировать. Напротив, как утверждал Ханс Бахейм, «поскольку тоталитарное правление стремится к невозможному и желает распоряжаться личностью человека и его судьбой, оно может быть реализовано лишь фрагментарно... Но именно поэтому последствия притязаний на тоталитарную власть столь опасны и гнетущи: они столь расплывчаты, столь неисчислимы и столь трудно очерчиваются... Это искажение проистекает из неосуществимого притязания на власть: оно характерно для жизни при таком режиме и затрудняет ее понимание посторонними»¹¹.

В последние годы теоретики-политологи еще более углубили эту ревизионистскую аргументацию. Некоторые заговорили о том, что понятие «тоталитарный» пригодно лишь в теоретическом плане в качестве негативной модели, в противовес которой должны самоопределяться либеральные демократы¹². Другие объявляли это понятие абсолютно бессмысленным и обозначающим не что иное, как «абстрактно-теоретическую антитезу западному обществу» или, еще проще, антитезу «всем, кого мы не любим». Согласно самой

¹¹ Цит. по: Richard Pipes. Communism: A History. New York, 2001. P. 105–107. [Пайпс Р. Коммунизм. М.: «Московская школа политических исследований», 2002. С. 130.]

¹² См.: Michael Halberstam. Totalitarianism and the Modern Conception of Politics. New Haven, 2000.

мрачной интерпретации, понятие «тоталитаризм» обслуживает само себя: мы обращаемся к нему лишь для того, чтобы подчеркнуть легитимность западной демократии¹³.

В повседневной речи определением «тоталитарный» нередко злоупотребляют. Тоталитарными порой именуют демократически избранных политиков (рассуждают, например, о «тоталитарных инстинктах Рика Санторума»¹⁴), целые правительства и даже корпорации (в наши дни можно прочитать, в частности, о том, что «Соединенные Штаты идут к тоталитаризму» или что компания Apple применяет в своих торговых точках «тоталитарный подход»)¹⁵. Либертарианцы, начиная с Айн Рэнд, вешают этот ярлык на прогрессивных либералов, которые, в свою очередь, конечно же, вместе с консерваторами поступают так же в отношении самой Айн Рэнд¹⁶. Иначе говоря, сегодня термин прилагается к такому количеству людей и институций, что иногда он действительно кажется бессмысленным.

¹³ Slavoj Žižek. Did Somebody Say Totalitarianism? Five Interventions in the (Mis)Use of a Notion. New York, 2001. Жижек утверждает, что определение сталинизма как «тоталитаризма» представляет собой попытку закрепить дальнейшее сохранение «либерально-демократической гегемонии».

¹⁴ Американский политик, республиканец, отличающийся крайним консерватизмом. – Прим. ред.

¹⁵ См.: http://www.huffingtonpost.com/james-peron/rick-santorum-gayrights_b_1195555.html; <http://video.foxbusiness.com/v/1328239165001/the-ussmarch-toward-totalitarianism>; <http://articles.latimes.com/2011/dec/25/business/lafi-hiltzik-20111225>.

¹⁶ См.: <http://fare.tunes.org/liberty/library/toptt.html>.

И все же, хотя сама идея «тотального контроля» кажется нелепой, смехотворной, преувеличенной или глупой, а само понятие никого больше не шокирует, важно помнить, что «тоталитаризм» – это не просто беспредметное бранное слово. История знает режимы, которые реально стремились к тотальному контролю. И если мы хотим понять их, то есть вообще постичь историю XX столетия, необходимо представлять, как функционировал тоталитаризм, и в теории, и на практике. Кроме того, идея тотального контроля вовсе не стала прошлым. Северная Корея, например, до сих пор живет по сталинским лекалам и за семь десятилетий почти не изменилась. Несмотря на то что новые технологии, как принято считать, делают тотальный контроль все менее воображаемым и реализуемым, нельзя быть уверенным в том, что мобильные телефоны, интернет и спутниковые фотографии никогда не станут орудиями режимов, стремящихся к «всеобъемлющему контролю»¹⁷. «Тоталитаризм» остается полезным и необходимым эмпирическим описанием.

История знает один режим, который настолько преуспел в постижении методов и техники тоталитарного контроля, что стал успешно экспортировать их. После взятия Красной армией Берлина и завершения Второй мировой войны Советский Союз из всех сил старался навязать тоталитарную систему правления самым разным европейским странам, ко-

¹⁷ Описание эволюции, которую проходят современные диктатуры, см. в книге: William J. Dobson. *The Dictator's Learning Curve*. New York, 2012.

которые тогда оккупировали его войска, как ранее она насаждалась в различных регионах самого СССР. Делалось это с беспощадной решимостью. Сталин, его армия и тайная полиция, с 1934 по 1946 год известная как НКВД и лишь позже переименованная в КГБ, а также их местные союзники, выстраивая тоталитарные государства в Восточной Европе, едва ли догадывались о полемике Айн Рэнд с прогрессивными либералами. Перефразируя Муссолини, им очень хотелось создать общества, где все было бы внутри государства, ничего вне государства и ничего против государства – причем желательно в кратчайшие сроки.

Между тем восемь европейских стран, оккупированных Красной армией в 1945 году, отличались широчайшим разнообразием культур, политических традиций и экономических укладов. Здесь были некогда демократическая Чехословакия, некогда фашистская Германия, а также монархические, автократические и полуфеодальные государства. В регионе жили католики, православные, протестанты, иудеи и мусульмане, которые говорили на славянских, романских, финно-угорских языках. Среди жителей Восточной Европы были русофилы и русофобы. На этих землях соседствовали индустриализированная Богемия и аграрная Албания, космополитичный Берлин и крошечные деревушки Карпат. Среди населявших Восточную Европу народов можно было встретить бывших подданных всех европейских империй – Австро-Венгерской, Прусской, Османской, а также Россий-

ской.

Тем не менее американцы и западноевропейцы в то время предпочитали рассматривать страны коммунистической, но не советской Европы – Польшу, Венгрию, Чехословакию, Восточную Германию, Румынию, Болгарию, Албанию и Югославию – в качестве единого «блока», получившего название «Восточная Европа». Послевоенная «Восточная Европа» была не географическим, а политическим и историческим понятием. В него не включались те «восточные» страны, которые, подобно Греции, никогда не были коммунистическими. Также не входили сюда ни Балтийские государства, ни Молдова, которые хотя и принадлежали к Восточной Европе исторически и культурно, в то время пребывали в составе СССР. Разумеется, прибалтийский опыт в чем-то схож с польским опытом, но есть и важное различие: для жителей Балтии советизация означала потерю даже условного суверенитета.

В послесталинское время, и в особенности после 1989 года, восемь восточноевропейских наций пошли очень разными путями, и сегодня принято считать, что между ними не так уж много общего. Это абсолютно верно: до 1945 года они никоим образом не были объединены друг с другом, и сегодня между ними больше различий, чем сходств, – за исключением общей исторической памяти о коммунизме. И все же между 1945 и 1989 годом восемь стран Восточной Европы сближало довольно многое. Ради простоты и исторической

точности на страницах этой книги именно они будут обозначаться термином «Восточная Европа»¹⁸.

В краткий период 1945–1953 годов многим действительно показалось, что Советский Союз преуспеет в преобразовании восьми непохожих друг на друга наций Восточной Европы в идеологически и политически гомогенный регион. Все они, и бывшие союзницы, и бывшие противницы Гитлера, в указанное время сформировали группу идентичных политических систем¹⁹. В начале 1950-х годов мрачные и покале-

¹⁸ Вот блестящее и точное описание историка, профессора Гарвардского университета Марка Крамера: «Термин „Восточная Европа“... являясь отчасти географическим, а отчасти политическим, подразумевает восемь европейских стран, которые с 1940-х до конца 1980-х годов оставались под властью коммунистов... Понятие не включает сам Советский Союз, хотя западные советские республики (Литва, Латвия, Эстония, Белоруссия, Украина, Молдавия и российский запад Урала) также относятся к восточной части Европы. Зато его применяют в отношении ряда стран, которые точнее было бы называть Центральной Европой, – таких как Чехословакия, Венгрия, Польша и образовавшаяся в 1949 году Германская Демократическая Республика (или Восточная Германия). Прочие европейские коммунистические государства – Албания, Болгария, Румыния и Югославия – также подпадают под определение „Восточная Европа“. Страны же, которые никогда не были под коммунистическим контролем, такие как Греция и Финляндия, не рассматриваются как часть Восточной Европы, хотя с географической точки зрения их вполне можно считать таковыми». См.: Mark Kramer. *Stalin, Soviet Policy, and the Consolidation of a Communist Bloc in Eastern Europe, 1944–1953*, p. 1. Лекция, прочитанная в Институте Фримена – Сполди 30 апреля 2010.

¹⁹ На это обращает внимание и Джозеф Ротшильд. См.: Joseph Rothschild. *Return to Diversity: A Political History of East Central Europe Since World War II*. New York and Oxford, 2000. P. 75–78.

ченные войной столицы этих, как говорил Черчилль, «древних государств» патрулировались похожими друг на друга не улыбающимися полицейскими, застраивались по проектам одних и тех же архитекторов социалистического реализма и заклеивались одинаковыми пропагандистскими плакатами. Культ Сталина, само имя которого почиталось в СССР как «символ грядущей победы коммунизма»²⁰, утвердился по всему региону наряду с очень похожими культами местных партийных лидеров. Миллионы людей принимали участие в организуемых коммунистической властью парадах и празднествах. В то время выражение «железный занавес» было не просто метафорой: стены, заборы, ряды колючей проволоки буквально отсекали Восточную Европу от Запада. К 1961 году, когда была возведена Берлинская стена, многим казалось, что эти преграды простоят вечно.

Темпы, которыми осуществлялись эти преобразования, не должны вызывать удивления. В самом Советском Союзе становление тоталитарного государства заняло два десятилетия, демонстрируя откаты и рывки вперед. У большевиков не было детального плана. В хаосе русской революции они двигались зигзагами, иногда становясь жестче, иногда либеральнее – по мере того как одна экономическая политика, не оправдав ожиданий, сменялась другой. За «военным коммунизмом» и «красным террором» времен Гражданской войны последовала более либеральная «новая эконо-

²⁰ Правда. 1949. 21 декабря.

номическая политика», допускавшая ограниченное существование частного бизнеса и торговли. НЭП был свернут в 1928 году; на смену ему пришел Первый пятилетний план, а также набор политических мер, обобщаемых в понятии «сталинизм» и включавших форсированную индустриализацию, насильственную коллективизацию, внедрение централизованного планирования, драконовские ограничения свободы слова, печати, искусства, а также расширение лагерной системы принудительного труда. Слова «сталинизм» и «тоталитаризм» с полным основанием можно использовать как взаимозаменяемые.

Но к концу 1930-х годов сталинизм тоже оказался в кризисе. Уровень жизни рос не так быстро, как обещала партия. Хаотичные инвестиции не давали желаемой отдачи. Массовый голод на Украине и юге России в начале 1930-х годов, хотя и принес режиму некоторую политическую пользу, вызывал в массах отнюдь не приливы любви к советской власти. В 1937 году советские спецслужбы развернули широкую кампанию арестов и казней, первоначально нацеленную на саботажников, шпионов и «вредителей», мешавших поступательному развитию советского общества, но потом затронувшую и высшие сферы коммунистического руководства. Большой террор нельзя считать ни первой, ни самой масштабной волной арестов: жесточайшие преследования ранее уже обрушивались на крестьян и этнические меньшинства, особенно жившие в советском приграничье. Но теперь было

затронуту высшее руководство партии, и это породило глубочайшую обеспокоенность, причем как в самом Советском Союзе, так и в мировом коммунистическом движении. При естественном течении событий Большой террор мог привести к полному разочарованию в большевистской системе. Но сталинизм и лично Сталин были чудесным образом спасены Второй мировой войной. Несмотря на хаос, ошибки, массовую гибель и опустошение, победа укрепила легитимность системы и ее лидера, «доказав» их состоятельность. В ореоле победы и без того почти религиозный культ Сталина достиг новых высот. Советская пропаганда описывала большевистского лидера как «воплощение нашего героизма, нашего патриотизма, нашей преданности социалистической родине»²¹.

Одновременно мировая война предоставила Сталину беспрецедентные возможности для того, чтобы навязать свои представления о коммунистическом обществе соседним территориям. Первый такой шанс выдался в самом ее начале, в 1939 году, когда Советский Союз и Германия подписали пакт Риббентропа – Молотова. Они договорились разделить Польшу, Румынию, Финляндию и Прибалтийские страны на советскую и немецкую зоны влияния. 1 сентября того же года гитлеровские армии пересекли польскую границу с запада, а 17 сентября сталинские войска атаковали Польшу с востока.

²¹ The Communist Party of the Soviet Union (Bolsheviks) Is the Leading and Guiding Force of Soviet Society (Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1951), p. 46.

В течение нескольких месяцев Красная армия оккупировала всю Прибалтику, часть Румынии и восточную Финляндию. И хотя европейские территории, оккупированные нацистами, со временем были освобождены, Сталин так и не вернул земли, занятые Советским Союзом в первой фазе войны. Восточная Польша, Балтийские республики, Буковина и Бессарабия, ныне называемые Молдовой, были включены в состав СССР. Восточные польские территории и сегодня остаются частями Украины и Белоруссии.

Красная армия и НКВД незамедлительно приступили к насаждению советской системы на оккупированных землях. Для «советизации» местного населения, развернувшейся с 1939 года, использовались местные коллаборационисты, члены международного коммунистического движения, массовое насилие, депортации и отправка в ГУЛАГ. Этот опыт стал для Сталина полезным уроком и обеспечил ему ценных союзников: советское вторжение в Восточную Польшу и Прибалтику воспитало и закалило кадры НКВД, готовые к повторению подобных операций в будущем. Советские власти сразу же, еще до начала нацистского вторжения, начали готовить почву для аналогичной «переделки» всей Восточной Европы.

Впрочем, этот последний пункт может показаться довольно спорным. В современной историографии послевоенную историю региона принято делить на несколько стадий²². Со-

²² См.: Hugh Seton-Watson. The New Imperialism: A Background Book. London,

гласно этой периодизации, в 1944–1945 годах здесь наблюдалась подлинная демократия; потом, используя формулу английского историка Хью Сетона-Уотсона, наступило время «фальшивой» демократии; наконец, в 1947–1948 годах происходит резкий поворот – начинается политический террор, на средства массовой информации надевают намордник, выборы подтасовываются. Всякие притязания восточноевропейских стран на национальную независимость уходят в прошлое.

Некоторые историки и политологи связывают этот сдвиг с началом конфронтации между Востоком и Западом. Иногда в наступлении сталинизма на Восточную Европу обвиняют даже западных поборников холодной войны, агрессивная риторика которых, как предполагается, «заставила» советское руководство усилить в регионе свою хватку. В 1959 году этот «ревизионистский» аргумент в классической форме сформулировал Вильям Эпплман Вильямс, по мнению которого холодная война была вызвана не коммунистической экспансией, а стремлением Америки открыть международные рынки. Совсем недавно видный немецкий ученый также заявил, что разделение Германии было обусловлено не тоталитарной политикой Советского Союза, проводимой в восточной зоне оккупации после 1945 года, а неспособностью западных держав поддержать мирные инициативы Сталина²³.

1961. P. 81.

²³ См.: классическую версию этого тезиса: William Appleman Williams. The

Однако пристальное изучение того, что происходило в регионе между 1944 и 1947 годом, ставшее возможным благодаря открытию советских и восточноевропейских архивов, обнаруживает глубокую несостоятельность подобной аргументации²⁴. Новые источники убедили историков, что ранний, так называемый либеральный период на деле не был таким либеральным, каким он представляется в ретроспективе. Действительно, далеко не каждый элемент советской политической системы насаждался в той или иной стране на следующий день после того, как Красная армия пересекала ее границы, да и сам Сталин не рассчитывал на быстрое оформление коммунистического «блока». В 1944 году известный советский дипломат Иван Майский подготовил записку, в которой предсказывал, что европейские страны превратятся в коммунистические государства лишь через тридцать или сорок лет. (Он писал также, что в будущей Европе будет лишь одна сухопутная держава – Советский Союз, и одна морская держава – Великобритания.) По мысли Майского, дожидаясь этого, СССР не должен подталкивать «пролетарские революции» в Восточной Европе; вместо этого Москве стоит поддерживать хорошие отношения с запад-

Tragedy of American Diplomacy. New York, 1959. Более свежая и изощренная версия представлена, в частности, в работе: Wilfried Loth. *Stalin's Unwanted Child: The Soviet Union, the German Question and the Founding of the GDR*. London, 1998.

²⁴ См.: John Lewis Gaddis. *We Now Know: Rethinking Cold War History*. Oxford, 1997; Kramer. *Stalin, Soviet Policy, and the Consolidation of a Communist Bloc in Eastern Europe*.

ными демократиями²⁵.

Это долгосрочное видение вполне соответствовало марксистско-ленинской идеологии в сталинском ее понимании. Капиталисты, полагал Сталин, не смогут сотрудничать друг с другом вечно. Рано или поздно империалистическая алчность втянет их в конфликт, и Советский Союз сыграет на этом. «Противоречия между Англией и Америкой по-прежнему дают о себе знать, – говорил он своим сподвижникам вскоре после завершения войны. – Социальные конфликты в Америке становятся все более явными. Лейбористы в Англии обещали английским рабочим столько социализма, что теперь трудно сдать назад. Скоро у них начнутся проблемы не только с собственной буржуазией, но и с американскими империалистами»²⁶.

Если сам СССР не торопился, то и восточноевропейские коммунисты тоже никуда не спешили: почти никто из них не рассчитывал на незамедлительный приход к власти. В 1930-е годы многие компартии вместе с центристами и социалистами входили в состав «народных фронтов» или, как во Франции и Испании, наблюдали за успехами подобных объединений со стороны. Историк Тони Джадт даже называет Испа-

²⁵ См.: Татьяна Волокитина и другие, ред. Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953, т. 1. М., 1999. С. 23–48; Norman Naimark. The Sovietization of Eastern Europe, 1944–1953. Cambridge, 2010 (The Cambridge History of the Cold War).

²⁶ Ivo Banac, ed. The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949. New Haven and London, 2003. P. 14.

нию «генеральной репетицией по захвату власти в Восточной Европе после 1945 года»²⁷. Первоначально такие левоцентристские коалиции создавались для того, чтобы противостоять Гитлеру, а после войны левые во многих странах задумывались об их воссоздании для борьбы с западным капитализмом. Сталин рассматривал вопрос в долгосрочной перспективе: пролетарская революция обязательно совершится, но прежде чем она произойдет, региону предстоит пережить буржуазную революцию. Согласно советским историческим схемам, такая последовательность не подлежала сомнению.

И все же, как показано в первой части этой книги, перенесение ключевых элементов советской системы в страны, оккупированные Красной армией, было начато СССР почти сразу. Первым делом советский НКВД, при содействии коммунистических партий, создавал по своему образу и подобию местную тайную полицию, зачастую привлекая для этого людей, прошедших специальную подготовку в Москве. Повсюду, куда приходила Красная армия, – даже в Чехословакии, откуда советские войска были выведены довольно быстро, – эти свежеиспеченные спецслужбы немедленно разворачивали кампании выборочного насилия, тщательно отбирая политических врагов в соответствии с предварительно составленными списками и критериями. В некоторых случаях в качестве объектов преследований намечались це-

²⁷ Tony Judt, Timothy Snyder. *Thinking the Twentieth Century*. London, 2012. P. 190.

лые этнические группы. Секретные службы также брали под свой контроль национальные министерства внутренних дел, а иногда и министерства обороны и непосредственно участвовали в конфискации и перераспределении собственности.

Во-вторых, в каждом из оккупированных государств советские власти передавали под контроль доверенных местных коммунистов наиболее мощное средство массовой информации той эпохи – радио. Хотя в большинстве восточно-европейских стран в первые послевоенные годы можно было издавать некоммунистические газеты и журналы, а люди, не состоявшие в компартии, допускались к управлению государственными монополиями, общенациональное радио, аудитория которого включала все население, от неграмотных крестьян до искушенных интеллектуалов, оставалось под неослабным надзором коммунистов. В долгосрочном плане власти надеялись, что радио, наряду с иными пропагандистскими инструментами и реформированной образовательной системой, привлечет народные массы на их сторону.

В-третьих, повсюду, куда приходила Красная армия, советские и местные коммунисты третировали, преследовали и в конце концов запрещали независимые общественные организации, которые мы сейчас назвали бы гражданским обществом: женские организации, антифашистские группы, церковные союзы и школы. В частности, с первых дней оккупации они уделяли особое внимание молодежным объединениям: молодым социал-демократам, молодым католикам

или протестантам, скаутам. Подобные группы, как правило, оказывались под скрупулезным присмотром еще до того момента, как новая власть запрещала независимые политические партии, пресекала деятельность церковных организаций, распускала профсоюзы.

Наконец, в-четвертых, там, где это было возможно, советские власти, опять же при поддержке местных коммунистических партий, проводили массовые этнические чистки, выселяя тысячи немцев, поляков, украинцев, венгров и представителей прочих национальностей из тех городов и деревень, где они жили на протяжении веков. Грузовики и поезда увозили людей и их скудные пожитки в лагеря беженцев и новые жилища, расположенные за сотни километров от тех мест, где они родились. Дезориентированными и лишенными крова беженцами было легче манипулировать. До определенной степени ответственность за такую политику несли Соединенные Штаты и Великобритания, поскольку положение об этнических чистках немцев было включено в Потсдамский договор. Но мало кто на Западе тогда представлял, насколько масштабными и жестокими окажутся советские этнические чистки.

При этом некоторые элементы капитализма и даже либерализма на время оставались в неприкосновенности. Частное фермерство, частный бизнес, частная торговля сохранялись в 1945–1946 годах, а иногда и дольше. Продолжали выходить независимые газеты и журналы, а церкви оста-

вались открытыми. Кое-где относительно свободно действовали некоммунистические партии, возглавляемые тщательно отобранными некоммунистическими политиками. Но подобные явления объяснялись не тем, что советские коммунисты и их восточноевропейские единомышленники были либерально мыслящими демократами. Просто новая власть считала все прочее гораздо менее важным, нежели создание тайной полиции, установление контроля над радио, организация этнических чисток и опека молодежных и других организаций. Целеустремленные молодые коммунисты отнюдь не случайно шли работать на одно из перечисленных поприщ. Так, после вступления в 1945 году в партию польскому писателю-коммунисту Виктору Ворошильскому предложили на выбор три занятия: молодежное коммунистическое движение, спецслужбы или отдел пропаганды, имевший дело со СМИ²⁸.

Свободные выборы, проводившиеся в некоторых странах в 1945–1946 годах, также нельзя было считать свидетельством толерантности коммунистов. КПСС и коммунистические партии Восточной Европы допускали их проведение только потому, что были уверены: контроль над тайной полицией и радио, а также надежное влияние на молодежь обеспечат им победу. Коммунисты повсеместно верили в мощь своей пропаганды, и в первые послевоенные годы у них бы-

²⁸ Tomasz Goban-Klas. *The Orchestration of the Media: The Politics of Mass Communications in Communist Poland and the Aftermath*. Boulder, 1994. P. 54.

ли все основания для этого. Массовое вступление в коммунистические организации – из-за отчаяния, дезориентации, прагматизма, цинизма или идейных соображений – наблюдалось тогда не только в Восточной Европе, но и во Франции, Италии и Великобритании. В Югославии возглавляемая Тито коммунистическая партия была по-настоящему популярна благодаря той роли, которую она сыграла в антифашистском Сопротивлении. В Чехословакии, которая из-за западной политики умиротворения Германии в 1938 году была оккупирована Гитлером, большие надежды связывались с Советским Союзом, к которому местное общество относилось с значительной симпатией. Даже в Польше и Германии, где планы СССР воспринимались с подозрением, психологическое воздействие войны сказалось на мировосприятии людей. Капитализм и либеральная демократия в 1930-е годы катастрофически провалились. Многие считали, что теперь стоит попробовать что-то иное.

Хотя сегодня трудно это понять, коммунисты также были убеждены в правоте своей доктрины. Однако если теперь коммунистическая идеология кажется тупиковой, это не означает, что в свое время она не обладала способностью воодушевлять массы. Большинство коммунистических лидеров Восточной Европы, как и многие их последователи, действительно думали, что рано или поздно большинство рабочего класса обретет классовое сознание, поймет свое историческое предназначение и проголосует за власть комму-

нистов.

Как выяснилось, они ошибались. Несмотря на запугивания, пропаганду и даже реальную популярность коммунизма среди людей, обездоленных войной, компартии с большим отрывом проиграли послевоенные выборы в Германии, Австрии и Венгрии. В Польше они сначала прощупали почву, прибегнув к референдуму, а когда из этой затеи ничего не получилось, вовсе отказались от свободных выборов. В Чехословакии коммунистическая партия хорошо выступила на первых выборах 1946 года, завоевав треть голосов. Но когда стало ясно, что на следующих выборах, намеченных на 1948 год, обеспечить такой результат не удастся, партийное руководство спланировало и осуществило государственный переворот. Следовательно, ужесточение советской политики в Восточной Европе в 1947–1948 годах было обусловлено не только началом холодной войны. Оно стало также реакцией на политическое поражение: СССР и его союзники на местах не смогли взять власть мирным путем. Им не удалось установить не только полный, но даже минимально достаточный контроль. Несмотря на подчинение себе радио и тайной полиции, они не сумели добиться популярности в обществе. Численность их последователей стремительно сокращалась, причем даже в таких странах, как Чехословакия и Болгария, где первоначальная поддержка коммунистических идей была по-настоящему велика²⁹.

²⁹ На протяжении долгого времени Коммунистическая партия Югославии оста-

В результате местные коммунисты, воспользовавшись рекомендациями Москвы, обратились к более жесткой тактике, которая прежде — и вполне успешно — уже использовалась в СССР. Во второй части этой книги описываются применявшиеся ими технологии: новые волны арестов, расширение лагерной системы, ужесточение контроля над СМИ, интеллектуалами и культурной сферой. Одни и те же приемы применялись повсеместно. Сначала уничтожались «правые» или антикоммунистические партии, потом разрушалось некоммунистическое крыло левых, а затем ликвидировалась оппозиция внутри самой коммунистической партии. В некоторых странах коммунисты по примеру Советского Союза организовывали показательные процессы. Коммунистические партии стремились также упразднить остававшиеся независимыми общественные организации (вместо этого рекрутируя последователей в массовые объединения, подконтрольные государству), установить более жесткий контроль над образовательной системой, подчинить католические и протестантские церкви. Они создавали новые, всеобщие формы образовательной пропаганды, спонсировали публичные выставки и лекции, вешали баннеры и плакаты, организовывали восхваляющие режим песнопения и спортивные мероприятия.

валась более популярной, чем другие коммунистические партии, но это объяснялось, по крайней мере отчасти, тем, что она постепенно выходила из-под советского влияния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.